

Ты тоже проголодался, давай сначала перекусим. Не переживай, здесь нам никто не помешает, и мы сможем оставаться вдвоем столько, сколько захотим.

Произнося эти слова, Цзи Юй с болезненным удовлетворением на лице улыбнулся, отчего Ло Ин внезапно почувствовал, как по всему телу пробежал холодок.

Зачем ты это делаешь?

Разве А-Ин еще не понимает? Я люблю А-Ина.

.....

А-Ин — первый, кто поинтересовался, болен ли я, и первый, кто пострадал за меня. Я не отпущу А-Ина.

.....

Уже несколько лет я каждый вечер просматриваю свитки с рисунками А-Ина, я знаю, как А-Ин выглядел в каждый момент своей жизни, я понимаю А-Ина лучше, чем самого себя. Лучше всего А-Ин будет со мной.

Неужели Цзи Юй и вправду пересмотрел все картины в каменной комнате? Неудивительно, что он потерял рассудок — изо дня в день смотреть на портреты одного и того же человека.

Вдовствующая императрица говорила, что покойный император сошел с ума, она и сама обезумела, а теперь еще и Цзи Юй лишился рассудка...

Вся императорская семья — сплошные безумцы!

Я не хочу.

Почему?

Ты мне не нравишься.

Это из-за Гуань Юэ? А-Ин, кажется, очень привязан к этой женщине. Если я убью ее, в сердце А-Ина освободится место, и туда смогу поместиться я.

Ло Ин помрачнел, опасаясь, что Цзи Юй и вправду отправится убивать Гуань Юэ.

Бесполезно. Даже если ты убьешь ее, я все равно не буду с тобой.

Услышав столь непреклонные слова Ло Ина, Цзи Юй наконец вышел из себя.

Почему? Говорю тебе, тебе никогда отсюда не выбраться, ты можешь быть только со мной!

С этими словами Цзи Юй бросился к Ло Ину и попытался его поцеловать. На этот раз у Ло Ина не было возможности увернуться: Цзи Юй прижал его всем телом к ковру, одним легким движением сорвав с него тонкую одежду и обнажив большую часть кожи. Словно обезумевший от голода зверь, Цзи Юй принялся целовать и кусать Ло Ина, и вскоре на теле того осталось немало багрово-синих следов.

Слова Ло Ина окончательно подорвали и без того шаткое душевное равновесие Цзи Юя, заставив с жаром попытаться доказать свое право владеть им. Простых поцелуев ему было уже

недостаточно, и рука Цзи Юя скользнула к низу Ло Ина...

Цзи Юй, ты безумец, немедленно отпусти меня!

Не отпущу!

Предчувствуя неладное, Ло Ин больше не мог сохранять хладнокровие. В этот момент его пальцы случайно нащупали стоявшую неподалеку миску. Схватив ее, он со всего маху ударил по цепи, а затем, пока Цзи Юй не успел опомниться, вонзил осколок ему в плечо. От боли Цзи Юй наконец отпустил Ло Ина, и тот, получив драгоценную передышку, поспешил отползти подальше.

Система, все готово?

[Хозяин, подождите еще немного.]

Цзи Юй вытащил осколок из плеча, его лицо исказилось от боли.

Я не буду таким слабохарактерным, как отец. Я не отпущу тебя — даже умереть ты должен будешь рядом со мной, так что не трать силы напрасно.

Глядя на Цзи Юя, Ло Ин странным образом совершенно успокоился.

Твой отец вовсе не был слабохарактерным. Он просто слишком сильно любил меня и слишком хорошо понимал.

Впрочем, в одном ты оказался прав: умереть я действительно могу только рядом с тобой.

Услышав это, зрачки Цзи Юя сузились до точек. Не успел он и рта раскрыть, как из уголка рта Ло Ина сорвалась капля крови, и он безвольно рухнул на пол.

Шатаясь, Цзи Юй подбежал к Ло Ину, протянул палец, чтобы проверить дыхание, а затем, словно лишившись последних сил, упал на землю и зарыдал, прижимаясь к телу Ло Ина.

Как холодно...

Цзи Юй словно снова вернулся в ту зиму, когда по прихоти матери его заставили в одиночку стоять на коленях посреди заснеженного двора в качестве наказания.

Единственный человек, которому был дорог он сам, исчез...

В то же время по безмолвной горной дороге тихо катилась повозка. Гуань Юэ пришла в себя после беспамятства и сразу же увидела сидевшего рядом мужчину в маске.

Меня зовут Цинмин, спасти вас мне приказал господин.

Совершить налет на Тяньлао?

Мм.

.....

Причиной, по которой Цинмин не появлялся раньше, было то, что Ло Ин отправил его спасать Гуань Юэ — это же стало и предлогом, с помощью которого Ло Ин намеренно удалил Цинмина.

А где А-Ин?

Цинмин ничего не ответил и протянул Гуань Юэ запечатанный конверт.

Это вам от господина.

Дрожащими от нетерпения руками Гуань Юэ разорвала конверт. Внутри оказались листок бумаги и рецепт лекарства. Отбросив рецепт в сторону, она принялась читать письмо.

Спустя мгновение Гуань Юэ, потеряв всякий облик от горя, опустила бумагу и взяла в руки рецепт. Заглянув в него, она больше не смогла сдерживать слезы.

Это было средство для восстановления внешности, которое Ло Ин разработал специально для нее...

А-Ин...

[Степень благосклонности главной героини достигла 100, прохождение успешно. Уровень ненависти главной героини к Цзи Юю достиг 100. Двойная задача выполнена, покидаем мир —]

Дополнительная глава: Цзи Юй

Цзи Юй внезапно вспомнил зиму, когда ему исполнилось десять лет. Из-за недомогания он проснулся чуть позже обычного и опоздал на урок классической литературы, за что мать наказала ему простоять на коленях в снегу целый час.

В тот день валил густой снег. Не прошло и получаса с начала наказания, как колени Цзи Юя полностью ушли в сугроб, ледяная кровь промочила штанины, ноги онемели от холода, а в костях заныло так, будто их кололи иглами.

Цзи Юй принялся молить мать о пощаде, но величественная красавица, закутанная в лисью шубу и прижимавшая к груди грелку, лишь холодно глянула на него и велела старшей служанке захлопнуть двери дворца.

Следите за ним по моему приказу, не смей отпускать, пока не отстоит на коленях целый час.

Стражники застыли под защитой крыши от снега, служанки ждали в прогретых покоях, а он, принц крови, был вынужден в одиночку стоять на коленях посреди заснеженного двора. Цзи Юй страдал от голода и холода, он так мечтал сделать хоть глоток горячего супа, чтобы согреться, но угрожающие взгляды стражников не позволяли ему и сдвинуться с места.

Время шло секунда за секундой, но во всем огромном императорском дворе не нашлось ни единого человека, готового прийти ему на помощь. Не было даже никого, кто замолвил бы за него словечко — даже мать не проявляла к нему сострадания, и вряд ли во всем мире остался кто-то, кому он был дорог.

Шло время, тело Цзи Юя онемело от холода, боль почти исчезла, но сознание затуманилось, и его охватил страх: а вдруг он умрет прямо здесь?

Как ты здесь оказался? — раздался неподалеку властный голос. Цзи Юй поднял голову и увидел стоявшего неподалеку отца.

Сколько себя помнил, Цзи Юй редко видел императора — казалось, у того всегда были

бесконечные дела. В миру ходили упорные слухи о необычайно крепкой любви между императором и императрицей, но Цзи Юй знал, что все обстоит совсем иначе. За вычетом времени на утренние доклады отец большую часть времени проводил либо в кабинете, либо в собственных покоях, а в покоях матери за весь месяц появлялся от силы пару раз.

Возможно, именно это и служило причиной постоянных вспышек гнева императрицы.

Отец не был с Цзи Юем столь суров, как мать, но никогда не интересовался ничем, кроме его успехов в учебе и боевых искусствах. Они держались друг с другом как близкие незнакомцы или чужие родственники; отец видел в нем лишь преемника, а вовсе не сына.

К отцу Цзи Юй испытывал смесь благоговейного страха и отчуждения.

Мать велела мне оставаться здесь и подумать о своем поведении.

Вот и хорошо, возвращайся. Я хочу побыть один.

Вот видишь: отец не стал расспрашивать, за что его наказали, и не побеспокоился, выдержит ли его тело столько времени на коленях. Он велел ему уйти лишь потому, что тот мешал ему уединиться.

Цзи Юй скользнул взглядом по человеку, стоявшему за спиной императора, и действительно заметил в руках того свитки рисовой бумаги и тушь. Отец вновь собирался заняться живописью. Цзи Юй знал, что в снежные дни император неизменно предавался рисованию, и неподалеку отсюда, в сливовой роще, как раз находилось его излюбленное для этого место. Во время работы отец не терпел никаких помех — даже присутствие сына, стоящего на коленях, было для него лишним.

Цзи Юю вдруг стало жутко интересно, что же именно рисует отец. Поднявшись на ноги, он удалился, но вскоре тайком вернулся назад. Двое слуг уже ушли, и на заснеженной поляне остался лишь один император. Прячась за деревом, Цзи Юй наблюдал, как отец выводит линии на бумаге.

Он думал, что император рисует сливы или зимний пейзаж, но никак не ожидал, что тот изображает человека.

Это был юноша в одеждах цвета цин с водопадом черных волос, обладавший удивительно прекрасной внешностью. Хотя он стоял посреди снегов, идеальная улыбка на его губах делала его невероятно мягким, и с точки зрения Цзи Юя казалось, что юноша улыбается именно ему.

Наверное, этот юноша тогда спас меня, подумал тогда Цзи Юй.

Впоследствии Цзи Юй то и дело украдкой наблюдал за тем, как отец рисует. Всякий раз, видя улыбку того юноши, он думал, что на свете нет ничего более нежного. Ему безумно хотелось похитить хотя бы один рисунок, но представиться удобным случаем не удавалось.

Отец раз за разом рисовал лишь этого юношу, добиваясь поистине поразительного сходства. По мере взросления Цзи Юй стал замечать, какое исключительное место этот юноша занимал в сердце императора, хотя и не понимал до конца природу этой исключительности. Лишь когда он сам вззошел на трон и поселился в личных покоях, где некогда жил отец, он обнаружил там тайную комнату.

Если по самим картинам еще можно было сомневаться, то подписи на них говорили о столь

сокровенном прямо и недвусмысленно, что не верить им Цзи Юй уже не мог.

Отец был влюблен в того юношу!

Любовь между мужчинами представители знати именовали страстью отрезанного рукава и драконьего ложа — это словосочетание Цзи Юй некогда услышал от кого-то из дворцовой прислуги. Впоследствии об этом узнала мать, пришла в ярость и велела до смерти забить того слугу палками, после чего во внутренних покоях больше никто не осмеливался произносить подобные вещи.

Неужели императрица знала обо всем еще тогда?..

При любой возможности Цзи Юй пропадал в потайной комнате, перебирая свиток за свитком. Каждое движение, каждое выражение лица юноши запечатлелись в его памяти, и со временем эти образы стали его наваждением в ночных снах.

Вскоре после церемонии восшествия на престол он встретил того юношу с картин. За прошедшие годы мальчик превратился в молодого человека, и Цзи Юй узнал его имя: Ло Ин. Охваченный нетерпением, Цзи Юй тотчас призвал юношу в свои покои, жаждавшая вновь увидеть преследовавшую его в снах улыбку, но последовавшее разочарование оказалось горьким и быстрым. Молодой человек был холоден, как лед, и совершенно не улыбался. Его манеры казались старомодными и отстраненными, и он вовсе не походил на человека с портрета. Позже Цзи Юй еще несколько раз пытался завязать с ним разговор, но юный лекарь вел себя словно деревянная чурка, и даже начал испытывать некоторое раздражение из-за его постоянных докучаний.

Цзи Юй даже засомчался: а тот ли это самый человек, которого нарисовал его императорский отец?

С тех пор Цзи Юй больше не вызывал его к себе. Вместо живого юноши он предпочитал перебирать свитки с картинами в тайной комнате. Они жили в мире и покое, и это хрупкое равновесие сохранялось вплоть до последних месяцев трехлетнего срока, пока не рухнуло окончательно.

Когда юноша выбросил его за порог дворца, Цзи Юй действительно рассердился и в самом деле собирался наказать его. Но все эти мысли исчезли, стоило ему снова увидеть этого человека. Юноша изменился: он одарил его улыбкой, точь-в-точь как на той картине, настойчиво потребовал измерить пульс и даже выписал рецепт для укрепления здоровья.

Он и правда оказался таким нежным человеком. Как же не хотелось отпускать его.

В этот момент вдовствующая императрица стала действовать все активнее. Вероятно, она тоже поняла, что Цзи Юй ускользает из-под ее контроля, и попыталась вернуть себе прежнюю власть. Планы Цзи Юя зрели слишком недолго, и справиться с вдовствующей императрицей было непросто. Тогда он вспомнил о третьей силе императорского рода — Страже Цинмин. Цзи Юй догадался, что Стража Цинмин находится в руках юноши, поэтому стал часто с ним сближаться и демонстрировать перед ним свою особенность. Юноша сильно к нему привязался, но этого уровня было явно недостаточно, и тогда он снова воспользовался

человеком из окружения юноши — женщиной, которую ненавидел всеми фибрами души и от которой жаждал избавиться.

В конце концов он преуспел: он добился помощи от юноши, а когда Стража Цинмин и люди Вдовствующей императрицы истощили друг друга в битве, увёл юношу за собой. Теперь трёхлетний срок юноши никогда не истёк бы, и они были бы вместе вечно.

Он так жаждал нежности юноши, подобно мотыльку, летящему на огонь, одержимо преследуя свой единственный свет.

Но Цзи Юй никак не ожидал, что первым погаснет именно этот огонь. Ло Ин предпочёл смерть совместной жизни с ним. Обезумев, Цзи Юй целовал холодные губы человека у себя на руках, и слёзы капали на чужие щеки. Цзи Юй тут же вытирал их поцелуями, словно боясь, что его слёзы потревожат Ло Ина.

Цзи Юй пробыл в комнате три дня, ничего не едя и не пия, просто обнимая тело Ло Ина. Спустя три дня Цзи Юй вынес Ло Ина наружу и положил в ледяной гроб, который разыскали его подчинённые. Этот ледяной гроб мог сохранять тело нетленным, и теперь он стоял прямо в покоях Цзи Юя.— По крайней мере, после твоей смерти мы всё равно будем вместе... Я же говорил, я тебя не отпущу.

Цзи Юй рассмеялся, но смех перешел в слезы — пожалуй, он и впрямь сошел с ума.

Специальный выпуск: Вдовствующая императрица

Меня зовут Се Вань, я старшая дочь в семье Се. Наш род славится учеными традициями, и с малых лет меня учили игре на цине, шахматам, каллиграфии и живописи, благодаря чему я прославилась как талантливая девушка далеко за пределами родных мест. Хотя красотой я не обделена, мне никогда и в голову не приходило, что однажды я смогу стать императрицей: в конце концов, для этого высокого положения требуется влиятельное происхождение, а семья Се среди столичной знати едва ли поднималась выше самого скромного уровня.

В тот день на банкете по случаю дня рождения императора я тихо сидела в углу и наблюдала за бесконечными представлениями, устроенными ради борьбы за монаршую милость. В глубине моих глаз мелькнула насмешка: мать с детства учила меня не гордиться и не зазнаваться, ни с кем не состязаться и ничего не отнимать — только так и подобает вести себя добродетельной женщине.

У главы рода Се была лишь одна жена — госпожа Сун, и они прожили несколько десятков лет в полнейшем согласии и взаимном уважении. Поэтому Се Вань думала, что и сама отыщет мужчину, который будет предан ей одной. У императора же существовали три дворца и шесть парков с бесчисленными наложницами, и даже ради столь высокого статуса она вовсе не желала подобной доли. А потому к поступкам придворных девиц в главном зале Се Вань относилась с изрядным презрением.

Быть может, именно благодаря этой непохожести на остальных она неожиданно выделилась среди прочих. Се Ваньшэ почувствовала, как вокруг на пиру вдруг стихло. Подняв голову, она увидела величественного мужчину, который уверенной поступью сошел с императорского трона и в конце концов остановился прямо перед ней, протянув руку.

— Согласна ли ты стать моей императрицей?

Гул... В голове Се Ваньшэ будто грохнул гром. Даже не зная дворцовых правил, она понимала, что новоприбывшая наложница может рассчитывать разве что на звание талантливой госпожи, а в худшем случае — простой служанки. До положения императрицы ей предстояло преодолеть пропасть из бесчисленных ступеней, но этот мужчина с ходу предлагал ей занять трон рядом с ним. Неужели ей послышалось?

Слова правителя произвели разорвавшуюся бомбу и в сердцах остальных присутствующих. Никто не ведал, что за замыслы вынашивает государь, и в просторном зале воцарилась такая тишина, что было слышно, как падает игла.

— Согласна ли ты стать моей императрицей? — не дождавшись ответа, император повторил вопрос.

— Я...

Столкнувшись взглядом с его сосредоточенными глазами, Се Ваньшэ вдруг лишилась дар речи. Такой выдающийся мужчина выбрал именно ее! Женское тщеславие Се Ваньшэ было удовлетворено в пресветлой мере, но разве она, Се Ваньшэ, могла уподобиться тем легкомысленным девицам?

— Пожалуй, можно и согласиться... но у меня есть условие.

После этих слов Се Ваньшэ все присутствующие в зале онемели окончательно: кому-то хватило смелости ставить условия самому императору. Император, казалось, ничуть не удивился. Тогда Се Ваньшэ думала, что это проявление снисходительности государя к ней, но позже поняла: императору просто было всё равно.

— Говори.

— Если я стану императрицей, ты не сможешь брать в гарем других женщин.

Остальные лишились дархана. На Се Ваньшэ они смотрели как на безумную: как министр Се мог воспитать столь легкомысленную дочь, которая в самом деле приняла за чистую монету праздный вопрос императора?

Против всеобщего ожидания, император неожиданно кивнул.

На следующий день Се Ваньшэ вошла во дворец под алые ковры на десять ли пути — какое же это было шумное и пышное зрелище! В то время по всей столице только и говорили, что о

романтической истории любви императора и талантливой девы с первого взгляда. Се Ваньи превратилась в главную героиню бесчисленных романов, да и сама она искренне верила, что является ею.

Поначалу жизнь была прекрасна. Император хорошо к ней относился, находил время для совместных минут и редко отказывал в её просьбах. Се Ваньи и впрямь провела несколько беззаботных дней — то было самое счастливое время в её жизни.

Однако император никогда не желал сблизиться с ней по-настоящему и даже в день свадьбы не притронулся к ней. Их жизнь можно было назвать взаимным уважением в самом буквальном смысле.

Тот, кто был столь снисходителен к ней, одновременно держался пугающе отстраненно. Се Ваньи неизбежно охватила тоска. В этот момент главная служанка принесла из внешнего мира некое зелье и велела подсыпать его в чай императора. Покраснев, Се Ваньи исполнила задуманное.

Император выпил чай, и вскоре его дыхание стало тяжелым. Она чувствовала, как он сдерживается, и, отбросив гордость, прижалась к нему. Но даже в этот момент император оттолкнул её и впервые сорвался на крик.

Се Ваньи было невыносимо стыдно, и она спросила почему.

Император ответил, что у него есть любимая женщина, поэтому в её услугах в постели он не нуждается. До тех пор пока она согласна оставаться во дворце, он гарантирует ей богатство и почет; если же она не захочет, он отправит её за пределы дворца.

Конечно же, она согласна! Как она могла отказаться? Всего за несколько месяцев она успела полюбить мужчину, стоявшего перед ней, так как же она могла уйти? Она, столь гордая и высокомерная, подверглась предательству — разве могла она смириться и уйти!

Се Ваньи покорились императору, вновь став послушной, как прежде. Казалось, император стал одаривать её еще большей заботой, но в сердце Се Ваньи не осталось прежней сладости. Она начала втайне возвращать собственное влияние, выискивая всех женщин, с которыми был знаком император — она должна была отыскать ту, что украла его сердце, а затем убить её!

Подумать только, императорский дворец и вправду удивительное место: она сама превратилась в ту, кого презирала больше всего. Однако Се Ваньи ничего не удалось выяснить: за все эти годы император вел себя безупречно, и рядом с ним не было ни единой женщины. Полная сомнений, Се Ваньи не сдалась, и результаты ее дальнейшего расследования повергли ее в шок.

Император полюбил вовсе не кого-то другого, а уже умершего Десятого принца Цзи Юня.

Связь между мужчинами, кровосмешение между братьями.

Раньше она недоумевала, почему император каждые полмесяца исчезает на несколько дней, а теперь поняла: он отправлялся повидаться с Цзи Юнем.

Она несколько раз следовала за ним и обнаружила, что император никогда не встречается с

Цзи Юнем напрямую. Он всегда оставался в тени и просто наблюдал со стороны. Даже оставляя людей для защиты Цзи Юня, он не смел позволить тому догадаться об этом. Се Ваньши впервые видела, чтобы император относился к кому-то с такой осторожностью.

Она проиграла какому-то мужчине! Обида в сердце Се Ваньши росла с каждым днем.

Она хотела избавиться от Цзи Юня, но скрытная стража рядом с ним оказалась настолько сильна, что подобраться к нему не было никакой возможности. К тому же она лишь разгневала императора, и тот вознамерился убить ее. Правда, то ли из-за ходивших повсюду слухов, то ли по какой-то иной причине, император ради сохранения своего образа преданного возлюбленного в конце концов пощадил ее. Се Ваньши стала гораздо послушнее. Она понимала, что ей не совладать с императором, поэтому холодно, словно посторонний наблюдатель, смотрела на то, как государь выражает расположение Цзи Юю. Однако и сам император вел себя странно: каждый раз после тайной встречи с Цзи Юем он выглядел глубоко разочарованным, словно вовсе его не видел.

Се Ваньши ждала возможности вернуть свое положение, но никак не ожидала, что внезапно придет весть о смерти императора. Она стала вдовствующей императрицей и даже взяла приемного сына в качестве марионетки.

Она думала, что обрела свободу и сможет выплеснуть накопившуюся за долгие годы злобу, но даже представить не могла, что покойный император даже после смерти оставил тому человеку пути к отступлению, и она по-прежнему была бессильна. Более того, ее приемный сын повторил судьбу императора и влюбился в того мужчину. Вспылив от ярости и стыда, она во что бы то ни стало решила убить его, но в конце концов проиграла приемному сыну, была заточена в Холодном дворце и провела там остаток дней в одиночестве.

В те дни, когда Се Ваньши оставалась во Дворце Ваньши в полном одиночестве, она не раз думала: если бы тогда она не добивалась любви императора любой ценой, прожила ли бы она всю жизнь в счастливой лжи?

Не гордиться и не проявлять нетерпения, не бороться и не соперничать — вот что подобает добродетельной женщине. Матушка, в конце концов дочь не оправдала твоих ожиданий.

Ровно в этот момент Ло Ин открыл глаза и увидел, как пушистое тело системы летает туда-сюда прямо перед его лицом. Не удержавшись, он схватил систему и слегка потискал ее.

— Что мне теперь делать?

<http://bllate.org/book/21651/2234360>